

Ф. А. ЩЕРБИНА О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВОРОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНИ

О. П. Дорофеева

Государственное областное учреждение Центр организационно-методического сопровождения процедур надзора и контроля, аттестации учреждений и работников сферы образования

В статье говорится об исследовании Ф. А. Щербиной (1849—1936) — известным общественно-политическим деятелем к. XIX — н. XX века народной жизни Воронежской губернии. Он отмечал новые явления, происходившие в воронежской деревне. В экономической жизни крестьян — нерациональное использование местных природо-хозяйственных ресурсов. Капиталистические признаки Щербина видел в наличии в крестьянской среде кулаков; в разложении крестьянской общины; в появлении «договорных семей», основанных на принципах индивидуализма и кооперативных началах и т.д. Но капиталистические элементы он считал явлением инородным, наносным и обновление страны связывал с общинно-артельной основой русской сельской жизни.

Ф. А. Щербина (1849—1936) — известный земский и общественный деятель, статистик, публицист, историк, экономист, всю свою жизнь посвятивший народу¹. Находясь в Воронеже с 1884 г. по 1902 г. и плодотворно исследуя быт местного крестьянства, Щербина собрал интереснейшие и поучительные сведения. В Воронеже Ф. А. Щербина сложился как исследователь и знаток народной жизни, а впоследствии как ученый статистик с мировым именем. Он не понаслышке знал и понимал тяжелую долю трудового народа. В Воронежский период своей жизни Ф. А. Щербина занимал позицию, близкую к умеренному народничеству.

Изучением деятельности Ф. А. Щербины по исследованию жизни крестьянства Воронежского края в тот период занимались многие советские и российские ученые². Но детального анализа по интересующей нас теме никто из этих авторов не дал.

Между тем, отличительной чертой этой территории являлось то, что Воронежская губерния, занимавшая огромную площадь и располагавшая богатым мощным черноземом (его толщина местами доходила до полутора аршин), и, по сути, являвшейся житницей России, в то же время характеризовалась прогрессирующим обнищанием деревни, разорением крестьянства. В многочисленных публикациях воронежских изданий Щербины, в том числе, в работах «Хозяйственные нужды и

задачи Воронежского края», «Потребности и потребление земледельческого населения», «Разрушение почвенных покровов», «Рабочие силы крестьянского населения» и в др. в целом дана объективная картина экономического и хозяйственного положения воронежской деревни.

В статье «Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края» Ф. А. Щербина подчеркивал, что хозяйственное состояние воронежской деревни непрерывно ухудшалось. С горечью он отмечал нерациональное использование местных природно-хозяйственных ресурсов. В прежние годы в экономике Воронежской губернии видное место занимала обрабатывающая промышленность (суконное производство, винокурение). Было хорошо развито скотоводство: «Воронежские лошади считались лучшими рабочими лошадьми России»³.

Острогожск, подчеркивал Щербина, был крупным торговым центром по производству сала и торговле рыбой. Алексеевская слобода — крупный центр по производству подсолнечного масла и масличных продуктов. Воронежский край был богат ценными сенокосными угодьями, пастбищами, лесами, пашнями. Переживая за развитие Воронежского края, он отмечал, что эти занятия потеряли былое свое значение. «Распашкам принесены в жертву все виды угодий, фабрики, сало, часть скота и прочее заменены зерном, земледелие перешло границы своего поступательного экстенсивного развития, и крошечное хлебное зерно заслонило собою крупные экономические и хозяйственные задачи края»⁴. Таким образом, Ф. А. Щер-

© Дорофеева О. П., 2006

¹ См.: *Антюхин Г.В.* Очерки истории печати Воронежского края. Воронеж, 1973. С. 196—198; *Карпачев М.Д.* Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в Воронежском крае // *Общественно-политическое движение в центре России в XVII — н. XX вв.* Воронеж, 1990. С. 53—63 и др.

² *Карпачев М.Д.* Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // *Русская провинция.* Воронеж, 1995. С. 5—45 и др.

³ *Щербина Ф.А.* Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год.* Воронеж, 1894. III отд. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

бина фиксировал факт нарастающего аграрного кризиса и прогрессирующего разорения воронежского крестьянства, происходящего после отмены крепостного права 1861 г.

Следствием нерационального ведения хозяйства, по мнению Щербины, явилось и увеличение неудобных земель. По подсчетам Щербины в 1868 г. количество неудобной земли (т.е. земли, занятой под оврагами, рытвинами, рвами, обвалами, сыпучими песками) составляло 69 тыс. 635 десятин, а через 25 лет, т.е. в 1893 г. — количество таких земель возросло до 119 тыс. 199 десятин, или увеличилось на 71 %⁵.

Подробное описание причин разрушения воронежских земель Щербина дает и в работе «Разрушение почвенных покровов». В частности он писал: «Воронежская губерния представляет в этом отношении едва ли не самый разительный пример такого обесценивания земли. Повсеместно в губернии наблюдается осыпание оврагов, засорение рек, увеличение водомоин, образование рытвин, рвов, обвалов и пр. Разрушение почвенных покровов совершается быстро и широко. Земли, по меткому выражению крестьян, «проваливаются», дают трещины, обвалы и обнажают свои подпочвенные непроизводительные слои в виде местами мела, местами глины, местами песка и реже камня. Таким образом, там, где производился раньше хлеб, и росли травы или древесные породы, стала отсутствовать в большинстве случаев почти всякая растительность»⁶.

Для предотвращения разрушения земель статистик предлагал как одиночные усилия крестьян (изготовление плетней, засадка вершин оврагов лозой и травами), так и действия общегосударственного характера — общественные работы по укреплению почв. «Если при трехполье и урожае в четыре четверти с десятины, 49 тыс. 635 десятин неудобной теперь земли могли бы давать ежегодно 132 тыс. 360 четвертей хлеба, то в течение 25 лет количество последнего равнялось бы 3 млн 309 тыс. четвертей, а это было бы вполне достаточно, чтобы прокормить население Воронежской губернии в течение 2 лет и застраховать народное хозяйство от тех потерь и убытков, какие оно понесет в течение двухлетнего неурожая»⁷.

Расширение запашки, также влияющей на урожайность, ученый связывает и с увеличением населения, анализируя собранные им статистические

данные по Воронежской губернии. «Стало быть прирост населения совершался быстрее увеличения земледельческой производительности... В Воронежской губернии с 1863—1891 гг., т.е. за 32 года количество пашен увеличилось на 371 тыс. 23 десятины или на 10 %, валовой сбор повысился на 2 млн 534 тыс. 396 четвертей или на 30,7 % и население возросло на 774 тыс. 155 душ или на 39,4 %. Стало быть, и в этом случае прирост населения шел усиленнее повышения земледельческой производительности»⁸. Т.е. с ростом сельского населения, даже при расширении запашки, естественным образом сокращался размер душевого земельного надела. «Если учесть, что примерно четверть посевной площади надо было отнести под будущие семена, что около 1/3 пахотной земли отдыхало под паром, то нужны были площади под яровые и, особенно под кормовые культуры, то легко подсчитать, что крестьянская семья в 8—10 человек должна была иметь никак не менее 10—12 десятин только для обеспечения минимального прожиточного уровня...»⁹.

Но, чтобы увеличить площади посевных угодий, правительство должно было пойти на принудительное отчуждение чужой собственности, что в принципе было невозможно при существующем строе. И сама по себе перераспределительная мера не могла изменить крестьянскую жизнь к лучшему.

Важную причину падения хозяйств Щербина видит в двух неурожайных годах (это 1891 и 1892 гг.), приведших к потерям в хлебе и в крестьянских хозяйствах. Он писал: «К августу 1892 года у крестьян убыло 337 тыс. 6 голов крупного скота или 28 % и 996 тыс. 17 голов мелкого или 43 % (т.е. он был продан, съеден, убит или зарезан на кожи)»¹⁰. Чтобы прокормить семью и содержать скот крестьяне закладывали и сдавали за ничтожно малую цену земли, земледельческие орудия, строения. «Отдавалась под заклад или менялась на хлеб одежда, зимою крестьяне жгли плетни вместо дров, раскрывали соломенные крыши для скота и т.п., одним словом, разорение крестьян произошло полное и подрыв хозяйства небывалый»¹¹.

Статистик не только констатировал факты обостряющегося аграрного кризиса и прогрессирующего разорения российского крестьянства, но и

⁵ Щербина Ф.А. Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края. Указ. соч. С. 3.

⁶ Карпачев М.Д. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы. Указ. соч. С. 10.

⁷ Щербина Ф.А. Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края. Указ. соч. С. 2.

⁸ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Щербина Ф.А. Разрушение почвенных покровов. Воронеж, 1893. III отд., С. 85.

⁷ Там же. С. 90—91.

предлагал пути выхода из создавшегося положения при помощи постепенных либеральных реформ. Он считал, что для поднятия хозяйства и покрытия государственных и общественных повинностей, население могло найти средства помимо земледельческой и в других отраслях промышленности, а само земледелие вести рационально. «И, однако, несмотря ни на непомерные распашки, ни на ухудшение естественных условий, ни на крайне неудовлетворительное положение самого хозяйства, благодаря низкому уровню его приемов и техники, мы продолжаем производить зерно, как предмет вывоза для заграничных рынков и вообще, как товар, лежащий в основе нашего денежного обращения»¹².

Поэтому в России бурные успехи промышленного роста сочетались с периодическими голодовками, при котором страдало именно сельское население. «Не доедим, а вывезем», — откровенно заявлял министр финансов И. А. Вышнеградский в то время.

Указывая на аграрный кризис в воронежской деревне и на однобокое развитие экономики в России в целом, Щербина писал, что «земледелие было принесено в жертву всему, что можно было бы развить на счет его средств и истощения естественных богатств — и железные дороги, и банки, и торговлю, и фабричное производство, и заводскую промышленность»¹³. Являясь опытным экономистом, статистиком ученый указывал на то, что доходность от земледелия, скотоводства и мелких промыслов исчислялся от 2 до 8 %, а чистая прибыль промышленных товариществ от 15 до 45 %¹⁴.

Статистик резонно признавал наряду с сельским хозяйством значение других видов промышленности, в особенности обрабатывающей. Но он считал, что необходимо, чтобы сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность не мешали друг другу, а взаимодополняли. И, чтобы земледелию, как главной отрасли промышленности Воронежского края отдавалось наиважнейшее значение: «Торговлю, обрабатывающую промышленность, фабричное и заводское производство, наши экономические отношения с соседними государствами, — все, одним словом, все, что входит в круг государственного и общественного хозяйства, следовало бы подчинить нуждам земледелия и сельского хозяйства, как основных факторов нашей экономической жизни»¹⁵.

Оперируя цифровыми данными, он предлагал: «если бы из текущих расходов (правительства) отчислялось на непосредственные нужды земледелия и сельского хозяйства только 10 %, то в течение 25 лет образовалась бы сумма в 1 млрд 592 млн 221 тыс. 67 руб., на которые можно было бы, например, произвести грандиозные улучшения в естественных условиях страны и способствовать, таким образом, поднятию на значительную высоту земледельческой производительности и сельского хозяйства»¹⁶.

Отдавая предпочтение земледелию в черноземной полосе, Щербина указывал на непомерное расширение зерновой культуры в Воронежском крае: «Россия — страна земледельческая, и Воронежская губерния занимает в ней в этом отношении одно из выдающихся мест. Натурально, что земледелие и в России и в нашем крае должно составлять основу хозяйства и исходный пункт экономической жизни, а основу земледелия в свою очередь составлять зерновая культура. Но для того, чтобы правильно было поставлено земледельческое хозяйство, требуется, во-первых, разумное хозяйственное отношение к естественным условиям края и богатствам природы и, во-вторых, постановка самого хозяйства в наилучшие условия производительности, т.е. интенсивность культуры, рациональная организация и усовершенствованные технические приемы»¹⁷.

Для поднятия сельского хозяйства Щербина предлагал: давать учащимся сельскохозяйственное образование, чтобы повысить экономическое благосостояние страны. Финансы, по его мнению, необходимо было расходовать, главным образом, на нужды сельского хозяйства, которые и черпались бы из него же. Кредиту он предлагал придать виды, способствующие развитию земледельческих и сельскохозяйственных промыслов. Также, в его понимании, следовало удешевить предметы промышленности, которые потребляются и должны потребляться сельским населением, ввести улучшенные сельскохозяйственные орудия труда и приемы в хозяйстве. Федор Андреевич писал: «Пока будет подавлено развитие потребительной способности нашего земледельца, до тех пор край будет экономически беден и его производительность заключена в узких рамках рутины, примитивной культуры и зависимости от дорогостоящей государству отечественной индустрии»¹⁸.

Все это были теоретическими предложениями Щербины. Но он показывал, что в направлении

¹² Там же. С. 6—7.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 13.

улучшения сельского хозяйства действовало и правительство. Хотя в этой области оно предпринимало еще слабые шаги. В частности он отмечал некоторое упорядочение железнодорожных тарифов; общественные работы, предпринятые в пользу голодающего населения; решение элеваторного вопроса, разработка подхлебного кредита, заботы о поднятии цен на зерно, страхование посевов; предложенные департаментом торговли мероприятия по упорядочению хлеботорговли и т.п.

От себя, как ответственный и добросовестный земский деятель, Федор Андреевич просил своих коллег по земской работе проявить инициативу на местах и предупреждал, что не следует перекладывать все заботы только на плечи правительства: «Желая поднять сельскохозяйственное производство, мы вправе просить правительство помочь нам в этом отношении, но вместе с тем, не следует забывать, что мы, местные хозяева, обязаны также проявить побольше инициативы и предприимчивости в собственном своем деле, иначе оно останется без души»¹⁹. Этой фразой, по-видимому, Щербина хотел призвать правительство вести более мудрую и сбалансированную политику, а земскую интеллигенцию привлечь к плодотворному сотрудничеству с ним сообща на благо народа. Конечно, Щербина предлагал действовать с реформистских позиций (как покажет история, действительно верных).

В заключение своей работы «Хозяйственные нужды и задачи Воронежского края» Ф. А. Щербина призывает: «Пора земледелию занять подобающее место в общем ходе нашего экономического и хозяйственного развития. Потребности в этом отношении назрели, сознание в необходимости скорейшего выхода из того ненормального положения, в каком находится наше хозяйство, у всех велико»²⁰. В сущности, в своих работах Ф. А. Щербина предлагал политику содействия аграрным преобразованиям для того, чтобы развить и сохранить потенциал сельского хозяйства России.

Исследования крестьянской жизни в Воронежском крае Щербина продолжает в другой своей работе «Потребности и потребление земледельческого населения»²¹. В этой работе, в частности, он рассматривает крестьянские потребности и потребление. Щербина считал, что вопрос о потребностях и потреблении земледельческого населения Воронежской губернии может иметь не только

областной, но и общегосударственный интерес. Он писал: «В сущности, ведь расширение народных потребностей есть расширение и народной производительности, а всякое увеличение потребления неминуемо должно выразиться в большей продуктивности народного хозяйства»²².

Вопрос о земельном наделе и взаимосвязи его с крестьянскими занятиями также поднимался Ф. А. Щербиной в другой его работе «Рабочие силы крестьянского населения Воронежской губернии». В этой статье указывается: «Решающее значение на распределение рабочих сил между разными отраслями производительности имеет надельная земля. Чем больше земли, тем больше, понятно, и занимается ею крестьянин»²³.

В связи с изменениями, происходившими в сельском хозяйстве Воронежской губернии, статистик отмечал возрастающую тенденцию в увеличении личных промыслов, наметившуюся в занятиях крестьян. Щербина констатировал эти процессы: «Вообще же, следовательно, личные промыслы в населении Воронежской губернии имеют очень важное значение, несмотря на то, что Воронежская губерния принадлежит к числу черноземных и земледелие считается в ней основным занятием. Давая 42,2 % денежных средств населению, личные промыслы поглощают здесь значительную долю деятельности рабочего населения»²⁴. У безземельных работников заняты промыслами — 85,2 %, у многоземельных — 31,2 %²⁵. Т.е. у тех работников, у кого нет земли — развиты отхожие промыслы на стороне, а у тех, у кого земли достаточно много, процент таких промыслов невысок.

Также Щербина показывает с помощью статистических выкладок влияние на экономическое развитие Воронежской губернии отхожих промыслов и временных переселений в Донскую область, Северный Кавказ, Ставропольский край и т.д. Так, они составили до голодных лет 20—25 %, в голодные годы этот процент удвоился. И всего таких работников было 32 тыс. человек²⁶. Щербина переживал, что многие крестьяне не могли в связи с этим найти себе работу дома. В заключение работы он приходит к выводу: «Сделанный нами беглый обзор статистических материалов о рабочих силах крестьянского населения Воронежской губернии, в конце концов,

²² Там же. С. 22.

²³ Щербина Ф.А. Рабочие силы крестьянского населения Воронежской губернии. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. Воронеж, 1896. С. 30.

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 30—32.

¹⁹ Там же. С. 14

²⁰ Там же. С. 10

²¹ Щербина Ф.А. Потребности и потребление земледельческого населения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894. С. 15—23.

приводит к тому общему выводу, что в распределении рабочих сил между разными отраслями производительности замечаются явления, крайне неблагоприятные для населения и края. Значительный процент работников не находит работы на дому»²⁷.

Ф. А. Щербина предлагал свою программу действий по выведению сельского хозяйства из экономического тупика: «Несомненно, для выхода из нынешнего экономического положения требуется очень многое: и меры по урегулированию движения рабочих на юге, и то или иное разрешение переселенческого вопроса, и повышение продуктивности промыслов, и развитие обрабатывающей промышленности и внесение интенсивных приемов в сельскохозяйственную культуру, и широкое применение мелиорации, и, главное, серьезные знания, без которых не мыслимо малейшее поступательное движение вперед»²⁸.

Меняющаяся действительность пореформенной России и активная общественная позиция в сочетании с богатым жизненным опытом наложила отпечаток на мировоззрение бывшего народника. Он постепенно начинает пересматривать свои взгляды на развитие капитализма в России: «Факт несомненного роста нашей областной жизни представляет собой, прежде всего, чисто естественное явление... Его нельзя игнорировать, нельзя не признать, как нельзя признать того обстоятельства, что ребенок становится с течением времени подростком или юноша мужем»²⁹.

Свою новую позицию Щербина изложил на страницах известного в то время центрального журнала. В публикациях петербургского «Северного вестника» четко прослеживается эволюция его взглядов. На страницах этого журнала он писал: «У нас, в России, нет капитализма в крайних, развитых его формах, т.е. нет организованного капиталистического производства, растущего и ширящегося преимущественно на счет прибавочных ценностей; но у нас сильно развиты предкапиталистические процессы, так называемое по терминологии К. Маркса, «первоначальное капиталистическое накопление», совершающееся путем не хозяйственно-предпринимательской производительности, а побочными способами — торговлею, ростовщичеством, кулачеством и проч.»³⁰. И в этом Щербина был совершенно прав.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Там же. С. 32.

²⁹ Щербина Ф.А. Областные вопросы // Северный вестник. СПб. № 2. 1886. С.143.

³⁰ Щербина Ф.А. Деревенский капитализм // Северный вестник. СПб. № 3. 1886. С. 107.

Исследуя народную жизнь в Воронежском уезде, статистик приходит к выводу, что суть деревенского капитализма сводится не к капиталу, а к труду. Деревенский капитализм в понимании Щербины — это не капитализм в чистом виде, как его представлял К. Маркс. Статистик писал: «Существует не мало крестьянских хозяйств, прибегающих к найму батраков и вот это именно пользование наемным трудом, пополняющим, впрочем, только часть тех средств, которые добываются собственными рабочими силами, мы и позволим себе называть деревенским капитализмом»³¹.

Крестьянское хозяйство в понимании Щербины является продуктом исключительно личного труда хозяев. На примере двух групп крестьян: государственных и всех других разрядов, Щербина показывает, что хозяйств с батраками у государственных крестьян — 6,9 %, а в других разрядах таких хозяйств 5,6 %. И у государственных крестьян с батраками средняя семья составляет 8,3 душ, а для других разрядов таких же хозяйств крестьян — 6,7 душ³². Далее статистик показывает, что хозяйства государственных крестьян с батраками обладают преимуществом по сравнению с хозяйствами других разрядов с батраками. Это и большая экономическая обеспеченность «хозяйств первого рода» и их большая образованность и грамотность и т.п.

В итоге Щербина заключает: «Все эти выводы приводят к тому общему заключению, что хозяйства с батраками по семейному составу оказываются значительнее и сильнее хозяйств без батраков, и, что, таким образом, потребление батрачьего труда крестьянским хозяйством находится в тесной зависимости от численного состава семьи вообще и собственных работников в частности»³³.

Исследователь не усматривал непримиримых классовых противоречий между батраком и его работодателем: «Хотя батрак находится в полнейшей зависимости от хозяина, но в громадном большинстве случаев он живет в одной с ним обстановке, ест из одной чашки, работает рука об руку с ним и с его домочадцами, и вообще является таким же тружеником-крестьянином, как и его хозяин»³⁴. Или, показывая выгоду положения батрака, защищенного народной общиной, по отношению к городскому рабочему, как части, чуждой крестьянам, капиталистической системы, Щербина писал: «Одним словом, народный обычай дает в отноше-

³¹ Там же. С. 107.

³² Там же. С. 109—110.

³³ Щербина Ф.А. Деревенский капитализм. Указ. соч. С. 111.

³⁴ Там же. С. 111.

нии к батраку больше преимуществ, чем, сколько падает их на долю какого-нибудь фабричного рабочего, не имеющего собственного хозяйства и обращенное в живое орудие фабрики или завода, орудие, обязанное за известное вознаграждение трудиться регулярно, как раз заведенная машина, а жить и питаться так, как позволит величина заработка. Батрак — наемный рабочий, но в то же время, так сказать, соратник по оружию с собственным своим хозяином»³⁵.

Сельскохозяйственные рабочие для Щербины не пролетариат в чистом виде, а хозяева расстроенных хозяйств. Зажиточные крестьяне по уровню культуры и быта мало отличались от середняков и бедноты, т.к. сами участвовали в производственном процессе. А батрачество в таких хозяйствах служило второстепенным, дополнительным фактором к многолюдности крестьянской семьи. Автор писал: «Таким образом, сводя в заключение отличительные черты хозяйств с батраками у крестьян Воронежского уезда, можно в конце-концов установить следующую общую характеристику названных хозяйств: это хозяйства с наиболее многолюдными семьями, с наибольшим количеством собственных рабочих рук, наиболее материально обеспеченные, наилучше удовлетворяющие, в то же время, батраков из тех семейных и экономических условий, при которых живут и действуют сами хозяева с их домочадцами. Во всем этом нет, конечно, нет еще ничего страшного в смысле капиталистических признаков»³⁶. И в этом Щербина также был совершенно прав.

Но исследователь народной жизни Щербина все же не мог пройти мимо происходивших в деревне изменений. Он считал, что к старому возврата больше нет: «С тем, что произошло уже в провинции, приходится волею-неволею мириться. Возвращение к добрым, старым временам не мыслимо. Нельзя теперешнюю крестьянскую семью снова заменить семьей прежнюю патриархальной, невозможно заставить крестьянина носить набойку, когда он привык к твину и черкесину, и когда сама набойка вышла из употребления; еще невозможнее заменить высшие потребности культурного человека низшими; то, что раз вошло в жизнь и стало общественной необходимостью или привычкой, веками и десятилетиями изменяется, и, притом, имеет тенденцию не к сужению, а к расширению... Народившиеся и развившиеся жизненные потребности нельзя уничтожить»³⁷.

Капиталистические признаки Щербина видел в кулацких хозяйствах, которые в отличие от хозяйств нанимающих батраков, по его мнению, существовали за счет прибавочных ценностей, вырабатываемых руками батрака и расширения в них производства тем же путем. Причем процент кулацких хозяйств в крестьянской среде был еще «относительно незначительным». Кулачество, по словам Щербины, проявилось в разных формах, он писал: «Вместо того, чтобы поить, кормить, одевать и возиться с батраком, кулак просто заставляет производить все батрачьи работы тех крестьян, которые находятся у него в зависимости. В другом случае, вместо ведения батрачьего хозяйства, кулаку выгоднее скупать за бесценок крестьянские душевые наделы и потом передавать их тем же крестьянам втридорога. В третьем, кулак предпочитает эксплуатации батрака ростовщичество, в четвертом — торговую эксплуатацию и пр., и пр. Часто в таких случаях даже хозяйства с батраками бывают в зависимости от кулака»³⁸.

К капиталистическим проявлениям Щербина также относил появление в крестьянской среде людей, которые не создавали непосредственно натуральный продукт для необходимых нужд своей семьи, а создавали продукты и товары для продажи или обмена для получения прибавочной стоимости. К таким людям он относил кулаков, мироедов, торгашей, ростовщиков. Щербина полагал, что российское первоначальное накопление капитала базировалось не на хозяйственно-предпринимательской деятельности, а на различного рода ухищрениях, сводящихся к посредничеству и спекуляции. В заключении общественный деятель приходит к выводу: «В таком виде деревенский капитализм оказывается явлением малозначительным в общей сумме крестьянского сельскохозяйственного производства и далеко уступающим по размерам причиняемого им влияния на народное производство, таким явлениям, как кулачество, мироедство, торгашество, ростовщичество и др.»³⁹. И в этом Ф. А. Щербина также был абсолютно прав.

Продолжая разговор об изменениях, происходивших в воронежской деревне, статистик писал: «Глубокие исторические изменения народной жизни, — продолжал ученый, — сопровождаются соответственными видоизменениями тех основных культурных форм, из которых складывается эта жизнь. Такие процессы происходят обыкновенно

³⁵ Там же. С.118.

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ Щербина Ф.А. Областные вопросы. Указ. соч. С. 156.

³⁸ Щербина Ф.А. Деревенский капитализм. Указ. соч. С. 119.

³⁹ Там же. С.120.

в области семейных отношений, налагают неизгладимые следы на общинную жизнь, отражаются очень рельефно на господствующих формах труда и т.п.»⁴⁰.

Особое место в исследовании крестьянской жизни как народник Ф. А. Щербина отводил общине. В журнале «Русская мысль» ученый подробно определяет значение русской земельной общины для крестьян: «Под общиной в русском языке надо разуметь, собственно, братство, общее сожительство людей, содержащихся на общий счет»⁴¹. Земельной общиной крестьяне называют «общество». «Под «обществом» народ понимает, прежде всего, известный союз земледельческого населения, союз, связывающий своих членов воедино общностью интересов по отношению: 1) к самоуправлению вообще, 2) к религиозным, нравственным и интеллектуальным нуждам, 3) к отбыванию государственных и общественных повинностей, 4) к праву владения и пользования общинною землею и собственностию»⁴². В конце статьи он приводит свое определение общины: «Самое понятие о земельной общине должно быть рассматриваемо, таким образом, по крайней мере, в трех главнейших отношениях: 1) по отношению к формам и общинной территории, 2) по отношению к внутреннему строю и организации общинного поселения и 3) по отношению к способам владения и пользования землею и ее угодьями, как естественным следствием взаимодействия двух предыдущих элементов»⁴³.

Автор статьи показывает, что общинная форма землевладения соответствовала и незыблемым вековым традициям, и современным потребностям трудящихся и на протяжении долгого времени оставалась неизменной. «Деревня с самой глубокой древности и до настоящего времени удержала по преимуществу характер общинно-автономной формы. Представляла ли она из себя самостоятельную единицу?... Менялись обстоятельства, проходили столетия, претерпевало существенные изменения само государство; а деревня из года в год, изо дня в день жила своею обычною, автономною жизнью в сфере своих ближайших нужд и отношений»⁴⁴.

Капитализм, по мнению Щербины, присущ с давнего времени именно западным странам. В принципе капитализм не свойственен для России,

но некоторые его положительные черты можно применить и в нашей стране, считал статистик. К положительным чертам Щербина относит кооперативную форму будущего общественного производства, практикуемую на крупных капиталистических предприятиях. К отрицательным — то, что капитализм держится на историческом прошлом и целой массе, соединенных с этим общественными форм и отношений.

Щербина писал: «Современный капиталистический строй западноевропейских государств носит сам в себе все задатки своего разложения и перехода к более справедливой общественно-экономической организации трудовой массы... Отрицая мелкую собственность, основанную на личном труде собственника, разрушая ее постепенно и систематически и создавая вместо нее собственность капиталистическую, капитализм, так сказать, пожирает сам себя. В силу своих естественных законов, он экспроприирует мелкие капиталы и заменяет их крупными, концентрируя, в конце концов, в руках немногих лиц громадные богатства и обращая трудовую массу в неимущий пролетариат. Рядом с этим он способствует выработке внешних условий общественного производства — кооперативной форме процесса этого производства, лучшего приложения к делу технологической науки, более современных способов эксплуатации земли, пользования орудиями труда сообща и, вообще экономизирования всех средств производства с помощью комбинаций их для крупного производства»⁴⁵.

Щербина признавал экономическую и технологическую отсталость своей страны, но в целом связывал ее обновление не с развитием капитализма, как это происходило на западе (т.е. созданием прибавочной стоимости за счет эксплуатации, спекуляции и ростовщичества), а с общинно-артельной основой русской сельской жизни. Ф. А. Щербина признавал, что развивающийся капитализм подрывает крестьянскую общину. Капиталистические элементы он считал явлением инородным, наносным, неорганичным и преодолимым. Он считал, что в России нет условий для складывания капиталистических отношений: «У нас иной экономический строй, иные общественные условия и отношения. Россия — страна земледельческая, а не крупной фабричной промышленности. Сильное развитие в ней капитализма даже совсем не возможно, т.к. этому препятствуют

⁴⁰ Щербина Ф.А. Областные вопросы. Указ. соч. С. 145.

⁴¹ Щербина Ф.А. Русская земельная община // Русская мысль. М. № 5. 1880. IV гл. С. 1.

⁴² Там же. С. 2.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ Щербина Ф.А. Русская земельная община. // Русская мысль. М. № 6. 1880. С.73.

⁴⁵ Щербина Ф.А. Задачи русской общественной мысли // Русская мысль. М. № 3. 1881. С. 34.

существующие условия. В России еще не экспроприрована земля у народа или, по крайней мере, у значительной доли населения, т.е. не совершилась та общая несправедливость, ... которая «служит основанием всего процесса» так называемого «первоначального капиталистического накопления», самого исторического генезиса капитализма... Нужно будет сначала отнять у этого коллективного владельца земельную собственность, орудия производства и обратить его в бездомного и нищего пролетария, чтобы насадить в России капитализм в его самых крайних и развитых формах»⁴⁶. И с этими словами Щербины трудно не согласиться.

К факторам, способным вывести страну из кризиса в новых условиях, Щербина относил крестьянскую общину: «Мысль о том, что жизнь русского народа с его земельной общиной и стремлениями к ассоциативным формам труда заключает сама в себе необходимые элементы социально-прогрессивного характера — не пустой звук, а факт, имеющий собственно для русского народа свое особенное значение»⁴⁷.

Таким образом, Ф. А. Щербина пришел к выводу, что при соблюдении гармоничного развития общины, при взаимодействии частного и коллективного, превращали ее в нечто незыблемое, способное защитить нашу страну от капитализма. А главную роль защитника народа и его традиционных форм социального бытия от пагубного воздействия он отводил интеллигенции: «Преимущества русского народа перед некоторыми другими народностями в том именно и заключается, что жизнь его богата такими общественными формами и отношениями, в основе которых лежат высшие человеческие принципы, основные начала общественной справедливости. У русского народа существует земельная община и, притом, в форме не примитивной, а прошедшей уже несколько ступеней развития, так что и народ, и интеллигенция имеют возможность сознательно отнестись к ней, взвесить и определить ее теперешние недостатки, определить в ней то, что свойственно самому ее существу, от того, что привилось к ней извне, наносным образом... Наше обычное право дает самую широкую свободу труду там, где это не идет вразрез с общественным благом, и подчиняет принципу общинной солидарности все остальные общинно-экономические отношения»⁴⁸.

Но на деле исследователь народной жизни сталкивался с другими явлениями, мимо которых, как ответственный земский деятель он не мог равнодушно пройти. Хотел он этого или не хотел, Щербина отмечал перемены, происходившие в крестьянской общине. С грустью он констатировал, «что как их [крестьян] древняя типическая организация, так и самое артельное начало с течением времени все более и более разлагаются... Зарождающиеся капиталистические тенденции капля по капле начали просачивать старый экономический строй, занимая все более и более в нем места»⁴⁹.

Поэтому, констатируя происходившие изменения в воронежской деревне о разложение общины, Щербина писал с особым сожалением со страниц «Северного вестника»: «Если от крестьянской семьи, мы перейдем теперь к другой основной культурной форме народной жизни — к крестьянской общине, то и здесь встретимся с такими же характерными явлениями, указывающие на глубокие изменения в жизни крестьянина. Это также факт, не требующий особых доказательств»⁵⁰. И перечислял эти новые признаки в крестьянской общине: 1) это увеличение численности общинных сходов, 2) современные тому времени крестьянские сходы характеризуются отсутствием единства при решении общественных вопросов, 3) на крестьянских сходах явно начала обнаруживаться группировка представителей по их экономическому обеспечению: «У кого чище одежда, кто имеет больше в кармане, кому вообще удалось лучше обставить свою личную жизнь, тот бесцеремонней стал высказывать свои эгоистические стремления и алчные порывы к эксплуатации...»⁵¹.

Далее статистик показывает, какие изменения произошли в жизни и быте крестьян: «Одежда, домашняя обстановка, виды занятий, эстетические удовольствия и пр., и пр. — все это изменилось, обновилось, иным стало. Классический кафтан и поддевка начали вытесняться сюртуком и пиджаком, вместо шляпы гречушником стал употребляться картуз с козырьком, в избе появилась новая мебель, пузатый самовар, некоторый комфорт, от земледелия крестьянин потянул в город и на фабрики, народная песня заменилась уродливыми произведениями трактирной цивилизации и т.п. Все это такие изменения и замены, которые всплыли наружу и быстро пошли вширь и глубь народной

⁴⁶ Там же. С. 35—36.

⁴⁷ Там же. С. 32.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Щербина Ф.А. Очерки южно-русских артелей. Одесса, 1880. С. 41, 44.

⁵⁰ Там же. С. 147.

⁵¹ Щербина Ф.А. Областные вопросы. Указ. соч. С. 149.

жизни лишь только за последние два десятилетия»⁵².

К новым явлениям деревенской жизни Щербина относит также специальный закон, принятый 12 июня 1886 года об общинном землевладении. В нем говорится о выкупе земли государственными крестьянами в срок с 1 января 1887 года по 1 января 1931 года. Т. е. через 44 года выкупаемые земли должны поступить в полную собственность крестьян. Как положительную черту в этом законе он отмечает, что к работам по разверстке выкупных платежей в отдельных селениях законом привлечены кроме двух коллегиальных учреждений местные знатоки крестьянского быта и сами крестьяне. Что в 28 губерниях из 31 выкупные платежи понижены против указанной нормы. Что общие суммы выкупных платежей разверстаны по отдельным губерниям не с формальной точки зрения и не под исключительными соображениями одних кассовых результатов, а в зависимости от известных экономических условий каждой губернии⁵³.

Федор Андреевич отмечал, что выкупной закон для государственных крестьян составлен намного лучше и выгоднее. Т.к. по этому закону подворно выкупать землю могут только «владельцы подворных участков». О том, что подворно землю могут выкупать общинники, в этом законе ничего не сказано, а говорится о досрочных взносах выкупа лишь целыми «сельскими обществами». Также Щербина показывал, что над составлением этого закона трудились люди заинтересованные, преданные своему делу (для этого были привлечены не только правительственные чиновники, но и земские деятели, крестьяне), что должно было, по мнению Щербины, привести к успеху: «Нельзя в заключении не прибавить, что над выработкою рассматриваемого закона, несомненно, трудились люди опытные и искренне преданные делу, сумевшие с выгодой утилизировать весь тот крайне неудовлетворительный статистический материал, который могла дать официальная статистика... Предварительные работы по разверстке платежей выполнены, одним словом, в пределах возможности настолько удовлетворительно и заботливо, насколько это позволил упомянутый статистический материал»⁵⁴. Таким образом, Щербина приходит к выводу, что в целом закон о выкупе земли государственными крестьянами, по-видимому, будет благоприятен для развития общинного землевладения.

⁵² Там же. С. 152.

⁵³ См. Щербина Ф.А. Неоконченный закон // Северный вестник. СПб. № 11. 1886. С. 79.

⁵⁴ Там же, С. 85.

К недоработкам автор относит неравномерность выкупных платежей в связи с высокой оброчной податью некоторых селений или с неправильным начислением оброчной подати, не позволяющим повысить выкупные платежи. О недоработках этого закона в Воронежской губернии Щербина писал: «Так в Воронежской, например, губернии некоторые уездные комиссии не смогут распределить выкупные платежи с достаточной равномерностью по отдельным селениям, в виду того обстоятельства, что здесь встречаются случаи обложения высокою оброчною податью селений с худою и мало доходною землею и тут же наряду случаи обложения низкою оброчною податью селений с прекрасной землею и высокою доходностью ее..., по другим селениям, в которых неправильное начисление оброчной подати не позволит повысить выкупные платежи, придется по необходимости оставить пониженные выкупные платежи»⁵⁵.

Так же у статистика вызывает тревогу тот факт, что для «ловких людей» всегда найдутся лазейки, позволяющие обойти закон. С неподдельным беспокойством за крестьян Щербина писал: «Разумеется, одного этого слишком недостаточно для того, чтобы со временем общинное землевладение у государственных крестьян не оказалось в таких неблагоприятных условиях, в какие оно поставлено у крестьян помещичьих, и чтобы самый закон о выкупе земли не послужил впоследствии средством своекорыстной наживы для деревенских авантюристов и кулаков... Оставить дело в таком положении, как стоит оно теперь, поэтому, значило бы остановиться на пол пути, предоставить те явления, которые должны быть ограждены законом, случаю... Нужно определить юридическое положение государственных крестьян, как участников в общинном землевладении, необходимо оградить законом эту форму землевладения при новых, имеющих быть созданными выкупом земли, условиях»⁵⁶. А неоконченная часть закона, по мнению Щербины, должна включать в себя три пункта: неотчуждаемость общественной земли, права совладельцев на земельный надел и обязанности их по самоуправлению и платежным повинностям.

К теме зарождения новых отношений в деревне, к их регулированию в новых условиях Щербина вновь возвращается в другой своей статье «В каких законах нуждаются сельские рабочие?» на

⁵⁵ Там же. С. 84—85.

⁵⁶ Там же. С. 86.

страницах «Северного вестника»⁵⁷. Здесь автор показывает, какие виды капиталистического труда были распространены в деревне: «Наиболее распространены в частновладельческих хозяйствах те виды потребления чужого труда, которые известны под именем «сдельных» или «отрядных» работ. В громадном большинстве случаев это бывают работы за землю или за деньги, взятые на подати в затруднительных обстоятельствах... В основе этой формы лежит, собственно, кредит, а не наем рабочих»⁵⁸. Щербина отмечает, что такие отношения в деревне распространены уже «в громадном большинстве случаев» и «достаточно заглянуть в сборники земской статистики, чтобы убедиться, что большинство частновладельческих хозяйств держится на этого рода работах»⁵⁹.

Но, показывая, что наемный работник в российской деревне это еще не рабочий-пролетарий, Щербина делает вывод об отсутствии в России чисто капиталистических отношений. Статистик пишет: «Только лишивши рабочего... хозяйства, только превративши крестьянина-собственника в пролетария можно поставить русского рабочего в те зависимые отношения к хозяину, которые так желательны для людей сожалеющих о крепостном праве и труде. Нужно чтоб наш рабочий жил одною рабочею платою и не имел собственности, как рабочий-пролетарий западноевропейский, чтобы сделать его рабом крупной сельскохозяйственной производительности»⁶⁰.

Поэтому при появлении капитализма, как нежелательного явления для Щербины, необходимо принять правильный закон для урегулирования отношений между предпринимателями и рабочими в новых условиях, согласно особой российской специфики. Он писал: «В таком случае первым и самым существенным условием закона об урегулировании отношений между хозяевами и рабочими должен быть самый строгий объективизм. Если с одной стороны стоят крупные хозяева, а с другой хозяева мелкие, то уже по одному тому, что они люди, закон должен быть равен для обеих сторон... Особенно желательным, является в этом отношении устранение личного произвола хозяев во всех тех случаях, где дело касается денежных расчетов и вообще денег. Произвольные штрафы, несвоевременные расчеты уплата вознаграждения рабочим в нежелательной для них форме и пр., и пр.

⁵⁷ Щербина Ф.А. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестник. № 5. 1886. С. 62—83.

⁵⁸ Там же. С. 75.

⁵⁹ Там же. С. 75.

⁶⁰ Там же. С. 79.

составляют одну из темных сторон в существующих отношениях хозяев к рабочим»⁶¹.

В конце статьи, считая капитализм временным явлением в России, Щербина предостерегал от необдуманного шага при принятии закона, регламентирующего отношения рабочих со своими хозяевами при существовании экономического кризиса в нашей стране: «Такой крупный шаг, как урегулирование законодательным путем отношений между хозяевами и рабочими, требует большой осторожности и осмотрительности. Предосторожность эта тем необходимее, что Россия переживает весьма трудный экономический кризис. Положение исключительное, момент неудобный, при котором легко принять временные, острые проявления экономической жизни за явления обыкновенные, постоянные, поставив в зависимость от них ту или другую сторону проектируемого закона»⁶².

Но Ф. А. Щербина не просто констатировал новые явления в жизни воронежской деревни, а предлагал действенные меры по их преодолению. Для выведения сельского хозяйства Воронежской губернии из кризиса в новых условиях, Щербина предлагал: меры по урегулированию движения рабочих на юге, разрешение переселенческого вопроса, повышение продуктивности промыслов, развитие обрабатывающей промышленности, внесение интенсивных приемов в сельскохозяйственную культуру, предоставление Крестьянским банком крестьянского кредита, развитие мелкой обрабатывающей и кустарной промышленности, широкое применение мелиорации, внесение в сельское хозяйство Воронежской губернии серьезных знаний и др.

В новых условиях российской действительности к XIX – н. XX веков Ф. А. Щербина в целом дал объективную картину положения воронежской деревни. Верность своих суждений об изменившихся условиях и ухудшении положения воронежской деревни он доказывал своей плодотворной практической деятельностью и результатами своего труда. Активно участвуя в работе специализированных общественных организаций, на основании научной постановки дела, публикуя специальные статьи в периодической печати, непосредственно принимая участие в жизни простого народа, Ф. А. Щербина стремился выработать необходимые меры, способствующие поднятию уровня сельского хозяйства и улучшить жизнь крестьянства Воронежской губернии.

⁶¹ Там же. С. 79, 80—81.

⁶² Там же. С. 83.